

не социальная структура общества вообще обуславливали собой технический прогресс, а тот или иной духовный склад общества, «ибо радикально различными социальными структуры IV в. н. э. и эпохи перехода от средневековья к новому времени ни в коем случае не были. Тем, чего не доставало населению Римской империи в IV в., была скорее готовность к инициативе, к овладению новыми путями, которая так отличала европейские народы спустя тысячелетие» (стр. 177). Таким образом, не установление связи между рассматриваемыми явлениями, а, напротив, произвольный разрыв связей между социально-экономической и идеологической сферами жизни общества оказывается основным (отнодь не новым и достаточно скудным) доводом автора.

На протяжении всей рецензии мы и старались показать, что хотя в книге Кихле собрано немало фактических данных, основные выводы автора остаются столь же необоснованными, сколь некорректной его полемика.

А. К. Арнольдт

Bibliographie zur Antiken Sklaverei. In Verbindung mit der Kommission für Geschichte des Altertums der Akademie der Wissenschaften und der Literatur (Mainz) hrsg. von J. Vogt. Red. Bearb. N. Brockmeyer, Bochum, 1971

Если «классическое образование» временами тяготело к замкнутости и догматизму, становясь даже символом косности и застоя, то наука об античности всегда живо откликалась на изменения, происходившие в мире, предлагая тот или иной новый образ античности, отвечавший тем или иным идейным движениям времени. И вот «осовремененная» античность читателей Эд. Мейера тоже уходит все дальше в прошлое, а с ней и недооценка роли рабства в развитии древних обществ¹, так что кембриджский профессор Дж. Крук, автор общего очерка правовой жизни древнего Рима, может с невозмутимостью констатировать: «Литература о рабах велика, и это неудивительно: раб рассматривается многими историками как определяющий фактор экономической, социальной и интеллектуальной жизни античности»². Выпущенная Й. Фогтом и Н. Брокмайером «Библиография античного рабства» и знакомит нас (пусть заведомо неполно) с этой литературой. Несмотря на сугубо практическое предназначение предлагаемого ими издания, оно знаменательно для сегодняшнего состояния мировой науки об античности и бросает свет на картину небезынтересную и поучительную.

Показательно уже само «Введение» издателя к книге, которая, как он надеется, может найти благосклонный прием у исследователей «в столь многих странах как буржуазного, так и коммунистического мира» (стр. VI, столь же показательны и кавычки, поставленные автором при обоих прилагательных). Отмечая, что изучение института рабства долго было в забросе у классистов, Й. Фогт с максимальной краткостью характеризует основные этапы этого изучения, сопоставляя их с проблемами, которые всякий раз ставило время. Так, для гуманистов (чья «humanitas» определяется Й. Фогтом как «новый образовательный идеал для высших слоев общества») отмечается практическое равнодушие к общественно-моральному аспекту

¹ Поворот к внимательному изучению проблем рабства в западной историографии и роль марксистской науки для развития этого направления исследований были отмечены в нашей литературе около десяти лет назад: см. Я. А. Л е н ц а н, Рабство в микенской и гомеровской Греции, М., 1963, стр. 65—92.

² J. A. C r o o k, Law and Life of Rome, Ithaca New York, 1967, стр. 55. А профессор Тасманийского университета П. Вивер открывает свою книгу словами: «В изучении социальной структуры римского мира I—III вв. н. э. нет ничего более важного или более сложного, чем классы рабов и освобожденных рабов» (P. R. C. W e a v e r, *Familia Caesaris*, Cambr., 1972, стр. 1).

вопроса. «...Ни филологи, ни юристы того времени, — пишет Й. Фогт, — не приобрели решающего влияния на возникающие с XVI в. важные проблемы колониальной этики, а также не сумели воспрепятствовать возрождению рабства в Вест-Индии и Африке» (стр. VI—VII). Завершая абзац о «гуманистическом» периоде именем Гете, западногерманский историк напоминает о том, что в 1771 г. «кандидат прав Страсбургского университета Гете» заключил свои тезисы утверждением: «*Servitus iuris naturalis est*» («рабство принадлежит естественному праву»).

Следующий этап Фогт связывает с философией Просвещения, провозгласившего лозунги всечеловеческого равенства и свободы, ставшие знаменем «революции против абсолютизма и сословного гнета» и аболиционистского движения. Итогом развития этих идей в антиковедении стала вышедшая в 1847 г. «История рабства в древности» А. Валлона, который, как подчеркивает Фогт, годом позже сам активно содействовал принятию декрета об уничтожении рабства во французских колониях. Дальнейшую эволюцию изучения рабства Фогт связывает с «новыми методами» и новыми источниками (эпиграфическими, папирологическими), вошедшими в оборот XIX в., и со стремлением изучать античную культуру в ее развитии как некую целостность. Для этого этапа («последней фазы историзма») он называет имена Эд. Мейера и М. Ростовцева, закономерно присоединяя к ним и В. Вестермана, но уже не касается ни политических, ни теоретико-методологических взглядов, отразившихся в их работах.

Однако Фогт не ограничивается рассмотрением эволюции буржуазной науки. Он отчетливо видит, что уже с середины XIX в. изучение античного рабства (как и всей социально-экономической истории) благодаря Карлу Марксу и марксизму сталкивается с новыми проблемами. Воздействие марксизма Фогт отмечает в работе Э. Чиккоти о закате античного рабства (1899), но полное развитие марксистско-ленинского понимания истории он закономерно связывает с Октябрьской революцией (стр. VIII). Говоря о советской науке, Й. Фогт отмечает работу «Вестника древней истории», регулярно публикующего исследования по истории рабства и направляющие статьи, а также значение серии монографий по истории рабства, издаваемой Институтом всеобщей истории АН СССР. Упоминает он и о развитии аналогичных исследований в других социалистических странах.

В общен исторических воззрениях ученых стран «западной демократии» Фогт тоже отмечает «давно» происшедший поворот, благоприятствующий изучению античного рабства. Не касаясь вопроса о социальных корнях и политическом смысле новых тенденций (на который он неукоснительно указывал, покуда речь шла о науке XVI—первой половины XIX в.), Фогт отмечает, что господствовавший от Ранке до Кроче взгляд на историю как на результат неповторимых действий отдельных личностей постепенно уступает позиции иным направлениям, изучающим социальные и политические общности, историческую антропологию и т. п. Касаясь конкретно истории рабства, Фогт упоминает в этой связи собственную деятельность в Майнцской академии наук (издание монографий по истории рабства, как написанных в ФРГ, так и переводных), а также «социологически ориентированные исследования» М. Фипли (Англия), П. Пти, К. Моссе (Франция), Э. Лепоре (Италия).

Новые тенденции в науке, считает Фогт, указывают на близость новых результатов. «Угнетенные античного общества — рабы — и отлученные от античного культурного мира варвары — это тайные палаты, дело за тем, чтобы их отомкнуть», — не без патетики заключает он (стр. X).

Фогт, как можно заметить, не закрывает глаза на различие воззрений историков-марксистов и немарксистов, но подчеркнуто не делает и акцента на нем, явно стремясь рассматривать тех и других как разные школы в единой науке. В такой позиции выражаются устремления, характерные для определенных кругов Запада и отчетливо проявляющиеся в различных областях идейной и политической жизни.

Кроме программного «Введения» Фогта, издание содержит краткое «Предупреждение» Н. Брокмайера, указывающее на цели, характер и построение «Библиографии».

Для характеристики вопросов, интересующих составителей рассматриваемого пособия, проще (и наглядней) всего привести здесь список глав: I. Исследования XVII и XVIII вв. о рабстве; II. Хронологический очерк истории рабства в древности (Рабство в древности; в Индии и Китае; на Ближнем Востоке; в Эллад; в Римской державе; в периферийных культурах античности; в Византии); III. Экономическая и социальная история древности (Хозяйство и общество; Труд, торговля, ремесло; Техника и горное дело; Сельское хозяйство; Коллегии и культы; Деятельность рабов); IV. Правовые вопросы (Общие; Правовое положение греческих рабов; римских рабов; Отпуск на волю); V. Античные источники о рабстве (Рабы в античной литературе; в эпиграфике; в папирологии; в археологических данных); VI. Теория рабства (Свобода в древности; Рабство и философия; Рабство и христианство); VII. Сословие рабов (Происхождение рабов; Источники рабства; Терминология несвободы; Рабские имена; Рабство или зависимость); VIII. Восстания рабов (Общий раздел; Восстания II—I вв. до н. э.; императорского времени); IX. Библиографии и обзоры исследований.

Библиография содержит 1707 номеров. От упреков в неполноте и неточности составители себя оградили, оговорив их заранее как неизбежные при стремлении возможно скорей вручить исследователям необходимое им пособие. И тем не менее несколько слов об этих недостатках сказать придется, и не столько для того, чтобы попрекнуть ими составителей, сколько для того, чтобы пользующиеся «Библиографией» могли яснее представить себе, с какого рода неполнотой придется им иметь дело.

Естественнее всего начать здесь с отечественной литературы. Мы не хотим нагромождать здесь побольше примеров пропущенных составителями отдельных статей или авторефератов диссертаций (делать это, пользуясь известным указателем А. И. Воронкова³ не так уж трудно), хотя некоторые такого рода примеры можно и привести⁴. Отметим пробелы более общие. Хотя, как уже говорилось, Фогт во «Введении» отмечает роль марксистской науки (и специально учения о формациях) в исследовании рабства, в «Библиографию» не включены советские работы о взглядах классиков марксизма-ленинизма на способ производства в древних обществах. Далее, такие историки, как В. С. Сергеев, А. Б. Ранович, О. В. Кудрявцев, сыгравшие большую роль в становлении и развитии советской науки об античности, представлены каждый одной работой. Между тем, скажем, учебники В. С. Сергеева по истории древней Греции и Рима более интересны для историографии античного рабства, чем школьный учебник истории СССР под ред. А. М. Панкратовой (превратившейся у составителей в «Панкратового»), главка из которого попала в «Библиографию». Из работ А. Б. Рановича, кроме учтенной составителями небольшой статьи «Социальная революция в Иудее в 66—73 гг.» (ВДИ, 1937, № 1, стр. 126 сл.), следовало бы включить в «Библиографию» и «Колонат в римском законодательстве II—V вв.» (ВДИ, 1951, № 1, стр. 83 сл.), и другие, а главное — монографии, и особенно «Эллинизм и его историческая роль», где выдвигалось положение об эллинизме как этапе в развитии рабовладельческого общества. Для О. В. Кудрявцева не упомянута не только монография «Эллинические провинции Балканского полуострова во II в. н. э.» (М., 1954), но и статьи, включенные в посмертно вышедший сборник⁵, среди которых «Проблемы периодизации истории рабовладельческого общества» и др. Всего лишь двумя исследованиями представлен К. К. Зельин, из его работ не учтены «Ис-

³ Древняя Греция и древний Рим. Библиографический указатель изданий, вышедших в СССР (1895—1959), сост. А. И. Воронков, М., 1961.

⁴ Например, С. А. Жебелев, Почему римляне вывозили больных рабов на Эскулапов остров, ФО, IX, 1895, стр. 159—161; М. Белорусов, Колонат, Варшава, 1903; Г. Пригоровский, Развитие колонатных отношений в римской Африке, М., 1909; Н. Н. Пикус, Происхождение шерстокацкой мастерской Аполлония в Мемфисе, ВДИ, 1952, № 1, стр. 84—89; В. И. Кузнецов, О степени распространения латифундий в Италии в конце Республики, ВДИ, 1957, № 1, стр. 64—80 и др.

⁵ О. В. Кудрявцев, Исследования по истории Балкано-Дунайских областей в период Римской империи и статьи по общим вопросам древней истории, М., 1957.

следования по истории земельных отношений в Египте II—I вв. до н. э.» (М., 1960), где рабовладению отведен особый раздел, и написанная совместно с М. К. Трофимовой монография «Формы зависимости в Восточном Средиземноморье в эллинистический период» (М., 1969).

Подобные же существенные пробелы мы обнаружили, обратившись — для примера — и к другой национальной библиографии — испанской. В Списке сокращений нет ведущего журнала испанских антиковедов «*Archivo Español de Arqueología*», регулярно публикующего статьи по социально-экономической истории, отсутствует и «*Anuario de Historia del Derecho Español*», где появляются работы по римскому праву, в частности, исследования А. Д'Орса, связанные с историей рабства. В именном указателе мы не встречаем таких ученых, как А. Гарсиа-и-Бельидо, которому, помимо многочисленных эпиграфических публикаций, принадлежит специальная работа о гладиаторских надгробиях из Испании (AEArq, 33, 1960, стр. 123 сл.); как уже упомянутый Д'Орс, уделивший рабам, кроме журнальных статей, немало страниц в своей «*Epigrafía jurídica de la España romana*» (Madrid, 1953), как А. Балил, автор серии работ по экономической истории Испании и статьи о зрелищах амфитеатра («*Melanges Piganiol*», I, 1966). Другой исследователь социально-экономической истории Испании Х. М. Бласкес представлен всего одной работой. Эти (как и менее значительные) пробелы в следующем издании «Библиографии» нетрудно будет заполнить, пользуясь списком литературы (и сносками) к недавно выпущенной книге Х. Мангаса о рабах и отпущенниках римской Испании⁶.

Коль скоро речь зашла об эпиграфике, существенным представляется отсутствие книги Н. Thylander, *Étude sur l'épigraphie latine* (Lund, 1952), где исследуются некоторые категории рабских надписей; коль скоро — о юридических аспектах вопроса, — отсутствие упомянутой книги Дж. Крука, где специальные главы уделены рабству, труду и т. п.

Видимо, для переработки «Библиографии» в более фундаментальное издание потребуется внимательно изучить, кроме библиографических изданий, аппарат специальных работ.

Чтобы привести несколько примеров мелких неточностей, вернемся к русской библиографии. На стр. 73—74 в раздел «Античная техника» попали сборник «Античный способ производства в источниках» под ред. С. И. Ковалева (№ 808), работы А. В. Мишулина «О воспроизводстве в античной рабовладельческой формации» (№ 811), К. К. Зельина «Из истории товарного производства во II—I вв. до н. э.» (№ 815). (Может быть, составитель неверно понял русское слово «производство»?) Один пример искажения фамилии мы приводили, можно указать еще несколько: в № 306 Кагарова, вместо Кагаров; в № 130 Lifman, вместо Sifman (так и в указателе); М. Вебер, напечатанный в Харькове в 1923 г. (№ 839), это, видимо, известный составителям Макс Вебер. Из-за последовательного применения фонетической транслитерации для передачи русского написания фамилий мы сталкиваемся с удвоениями: S. J. Lur'e и S. Luria — это один и тот же С. Я. Лурье (в указателе тоже удвоение), даже немецкие фамилии при обратной передаче с русского теряют свой вид: R. Günther и R. Gjunter (№ 403 и 404), Ed. Meyer и E. Mejer (!) (№ 613 и 614). Но если эти авторы хоть в указателе не раздваиваются (ссылки все — под немецкими написаниями), то не так с Р. Пельманом (Pöhlmann R. von — 676 и Pel'man R. — 674). Встречаются опечатки в транслитерациях русских названий (три — в № 481). На стр. 174 в указателе неверная отсылка: Lipšic E. E. — 45, вместо 501 (45 — это не номер, а страница).

Все это, конечно, не помешает рецензируемому изданию найти и то практическое применение, на которое и рассчитывали издатели — служить первым рабочим пособием для исследователей. В заключение — несколько наблюдений, которые можно сделать, знакомясь с «Библиографией».

⁶ J. M a n g a s M a n j a r r e s, *Esclavos y libertosen la España Romana*, Salamanca, 1971.

Воздействие марксистской науки видно по ней достаточно ясно. Оно отразилось даже на заголовках некоторых разделов и рубрик главы, посвященной общей истории рабства («Chronologische Übersicht...»), таких, как «От рабства к крепостничеству» (стр. 45) или «Возникновение феодализма» (стр. 51). Многие разделы содержат заметный, а иногда и преобладающий процент работ советских историков и ученых других социалистических стран. Это относится в первую очередь к главам: «Chronologisches Übersicht...» (стр. 8—53), «Восстания рабов» (стр. 149—160), «Библиография и обзоры исследований» (стр. 161—163), к некоторым разделам глав «Рабское сословие» («Рабская терминология» — стр. 143—146; «Рабство или зависимость» — стр. 146—148). В главе о хозяйственной и социальной истории с этой точки зрения можно отметить разделы о сельском хозяйстве и о хозяйственной деятельности рабов (стр. 76—81; 85—86), в главе «Античные источники о рабстве» — это раздел о литературе (стр. 117—122). Вместе с тем «Библиография», несмотря на пробелы и приблизительность рубрикации может помочь в выявлении «белых пятен» отечественной научной литературы. Среди них прежде всего нужно назвать исследование правовых вопросов⁷ (некоторое исключение — манумиссии и положение вольноотпущенников), которые, кстати сказать, активно исследуются в других социалистических странах (Польша, Венгрия). В той или иной мере здесь же могут быть упомянуты и разработанные общих проблем хозяйственной истории, а из более конкретных — истории ремесла и торговли (хотя в этих пунктах «Библиография» может быть особенно неполна), изучение античной теории рабства, роли рабов в сфере культуры, в управленческом аппарате (вопрос, ныне усиленно разрабатываемый в западной историографии), в военном деле, а также некоторых специальных вопросов (ономастика и пр.).

Заканчивая, вернемся к тому, с чего начинали. «Библиография» — еще одно подтверждение тому, что, если тенденция «игнорировать роль рабства в древности»⁸ еще существует в западной науке, то сегодня она — эпитоме. А значит, теряет свою остроту и критика, нацеленная в первую очередь против этого утрачивающего влияние направления. Ведь в сегодняшнем антиковедении самые острые столкновения борющихся концепций, полемические конфликты происходят уже на почве признания рабства, по крайней мере, одним из существеннейших, определяющих явлений в жизни античного общества, сосредотачиваются вокруг понимания связанных с этим явлением фактов, тенденций развития, исторических закономерностей⁹.

⁷ В этой связи следует отметить то внимание, которое неизменно уделяет правовым аспектам рабства и отпущенничества в своих монографиях Е. М. Штаерман (В «Библиографии» под рубрикой «Правовые вопросы» упомянута лишь ее статья о вольноотпущенниках в СИЭ.)

⁸ Пользуясь выражением Я. А. Ленцмана (ук. соч., стр. 35).

⁹ Ср. в настоящем номере ВДИ рецензию А. К. Арнольда на кн. F. Kießle, *Sklavenarbeit und technischer Fortschritt im römischen Reich*, Wiesbaden, 1969.

В. М. Смирин

Themistii Orationes quae supersunt recensuit H. Schenkl. Vol. I: opus consummavit G. Downey, vol. II: opus consummaverunt G. Downey et A. F. Norman, Lipsiae in aedibus B. G. Teubneri, 1965—1971

Фемистий — оратор, философ и политический деятель IV в. — оставил после себя сочинения двоякого рода: 1) философские произведения (парафразы Аристотеля), сохранившиеся как в греческой, так и в сирийской и арабской традиции; 2) речи. Фотию в IX столетии помимо парафраз Аристотеля и комментариев к Платону было